

Жанна Рюкар, вдова Бунюэля:

«Я БЫЛА ДЛЯ НЕГО КУХАРКОЙ»

Свыше шести лет прошло после смерти великого испанского кинорежиссера Луиса Бунюэля. И вот по прошествии этого времени его вдова Жанна Рюкар, которая давно привыкла к испанскому варианту своего имени — Хуана, начала писать книгу о годах, проведенных рядом с создателем фильмов, ставших сокровищем мирового кинематографа. А прожили они вместе 61 (!) год.

Первое интервью о своих мемуарах она дала испанскому журналу «Вангардия».

— В кино он, конечно, считается новатором, но в доме был настоящим традиционалистом и требовал, чтобы жена и дети подчинялись ему во всем, — такова была первая фраза Жанны Рюкар.

— Познакомились мы с ним в Париже, в студии испанского художника Хоакина Пейнадо, где я появилась с двумя подругами. Представьте, Луис нас принял за проститутку, так как ему в голову не могла прийти мысль, что приличные девушки одни, без сопровождения отцов могли посетить мастерскую одинокого мужчины. Пейнадо пришлось уверять его в том, что мы из очень добропорядочных семейств... Мне тогда было 18 лет, я — натуральная блондинка и, говорят, привлекательная. Луис начал за мной ухаживать. И ставить условия. Вот пример: я успешно занималась гимнастикой, даже завоевала бронзовую медаль на Олимпийских играх в Париже в 1924 году. Но после знакомства с Луисом моя спортивная карьера окончилась. Он не мог смириться с тем, что на тренировках и на соревнованиях я выступаю... с голыми ногами.

Его ревность меня угнетала, но ухаживал он и настойчиво, и нежно. Познакомился с моим семейством и был этому очень рад. В частности еще и потому, что, уезжая ненадолго в Испанию, мог сказать моей матери: «Мадам, Жанна не должна никуда ходить, а если уж очень нужно, то только в сопровождении Пейнадо». Вот так он держал меня в ежовых рукавицах. Был как мавр. У меня никогда не было ни подруг, ни приятелей. Наше жениховство продолжалось четыре года, но ни разу он не посягнул на меня.

— Был ли он женолюбом?

— Думаю, что нет. Убедена, что он был мне

верен, как и я ему. Гражданский брак мы заключили в Париже в 1932 году. После этого какое-то время жили в Испании. Во время гражданской войны он отправил меня в Париж с тем же наказом — никуда не ходить и никого не принимать. Так было и в Мексике. Когда я ходила на курсы перелетных работ, он требовал, чтобы я возвращалась ровно в пять вечера. И всегда встречал меня в дверях. Если я опаздывала хоть ненамного, он с упреком говорил: «Жанна, уже пять минут шестого!». Но хочу добавить, что у него самого друзей и приятелей было множество.

— Почему вы начали писать эту книгу?

— Я почувствовала необходимость рассказать о всех тех переживаниях, о наших детях, о малоизвестных подробностях жизни Луиса. О белых мышках, которых он любил. В Лос-Анджелесе их у нас было 40 штук, а в Мексике даже 80. Не знаю, почему он их так любил, но ухаживать за ними приходилось-то мне.

— Как вы сами охарактеризовали бы свою жизнь с Бунюэлем?

— Это была жизнь, которая принесла мне полное удовлетворение. Я была счастлива с Луисом. Помню, как Мария, его мать, мне посоветовала: «Когда Луис настаивает на чем-то, соглашайся без промедления, но потом поступай, как тебе нужно». Так я и делала. Я, у которой когда-то в претендентах на мою руку был даже камбоджийский принц, стала кухаркой для Бунюэля. Может быть, я назову свою книгу именно так — «Кухарка Бунюэля». Ведь я ею и была все годы.

— А каким отцом был Бунюэль?

— Очень строг был и с сыновьями. Они должны были всегда говорить, куда идут, оставлять номера телефонов своих друзей, у которых бывают. Когда Рафаэль возвращался за полночь, мы с ним шепотом договаривались, какой час возвращения (естественно, более ранний) назвать отцу утром. Строг Луис был и с Хуан-Луисом даже тогда, когда тому было под пятьдесят.

— Почему Бунюэль поссорился с Сальваторе Дали, с которым был очень дружен?

— Потому что после гражданской войны Дали, который жил в Нью-Йорке, сказал, что Луис — коммунист. Это сильно навредило Бунюэлю, так как было время разгара маккартизма. Потом Дали искал с Луисом встречи для объяснений, но Луис ответил: «Не хочу никогда больше тебя видеть».

— Если Бунюэль не был коммунистом, то как можно определить его политические позиции?

— Был антифранкистом, антифашистом. Но о политике никогда не говорил ни с мною, ни с детьми. И если кто-нибудь из сыновей вдруг задавал ему серьезный политический вопрос, он неизменно отвечал: «Оставь меня с миром».

— Известно, что он оставил два письма, которые завещал открыть после его кончины!

— Одно было адресовано мне, другое — всем. Для меня он написал так: «Хуана, ты была единственной женщиной в моей жизни». Это письмо я храню с огромной любовью, с какой всегда вспоминаю Луиса...

ОТ РЕДАКЦИИ: Может быть, Жанна Рюкар и использует в заглавии своих мемуаров слово «кухарка», но сам Бунюэль в автобиографической книге «Мой последний вздох» предпослал ей такие слова: «Посвящается Жанне — жене и другу».

Материал подготовила
М. ШАШКОВА.

● Жанна Рюкар в доме в Мехико с одним из барабанов из коллекции Бунюэля.

● Еще одно хобби Бунюэля — пистолеты, у него их было более двадцати. Один раз в неделю он ходил стрелять в тир, но никогда не носил с собой оружие.

